

ЛАНА БАСТАШИЧ

ПОЙМАТЬ
ЗАЙЦА

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.163.41-31(497.15)
ББК 84(4Бос)-44
Б27

Lana Bastašić
UHVATI ZECA

Copyright © Lana Bastašić, 2018
Copyright © Edicions del Periscopi SL, 2020
All rights reserved by and controlled through Edicions del Periscopi,
Barcelona.
This edition by arrangement with SalmaiaLit.

Перевод с сербского *Ларисы Савельевой*
Художественное оформление *Яны Паламарчук*

Басташич, Лана.
Б27 Поймать зайца / Лана Басташич ; [перевод с сербского
Л. Савельевой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 288 с.

ISBN 978-5-04-117812-3

Куда бы мы ни отправлялись, мы всюду берем с собой себя.

Сара двенадцать лет не слышала от подруги детства ни слова. Но однажды та внезапно выходит на связь и просит Сару вернуться в родную Боснию, чтобы отвезти ее на встречу с братом, пропавшим много лет назад: просьба, в которой Сара, несмотря ни на что, не может отказать.

Давним подругам, чьи пути давно разошлись, предстоит совершить последнее совместное путешествие через половину Европы, снова пережить общие, но совершенно разные воспоминания, вскрыть старые раны и понять, что их когда-то связывало и что в итоге развело.

УДК 821.163.41-31(497.15)
ББК 84(4Бос)-44

ISBN 978-5-04-117812-3

© Савельева Л., перевод на русский
язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

От переводчика

Роман «Поймать зайца» написан особым стилем и не поддается традиционному критическому анализу.

Язык молодого автора аутентичен и своеобразен. Порой он изысканный и утонченный, порой — грубый и яркий. Переводчик старался передать оригинальный стиль автора, максимально сохраняя кажущийся иногда странным порядок слов и пунктуацию оригинала. Поэтому читателя следует предупредить — Зайца поймать нелегко, будь то Заяц из сказки Льюиса Кэрролла, или Заяц с картины Дюрера, или белый кролик, которого когда-то купили две девочки.

— Я с удовольствием расскажу все, что случилось со мной сегодня с утра, — сказала неуверенно Алиса. — А про вчера я рассказывать не буду, потому что тогда я была совсем другая.

— Объяснись, — сказала Черепаха Квази.

— Нет, сначала приключения, — нетерпеливо перебил его Грифон. — Объяснять очень долго.

*Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране чудес*

1.

чтобы мы начали с начала. У тебя кто-то есть, а потом его нет. И это примерно вся история. Вот только что бы ты сказала, если ты не можешь *иметь* другого человека. Или употребить слово *она*? Может, так лучше, это бы тебе понравилось. Быть *она* в какой-нибудь книге. Хорошо.

Она бы сказала, что ты не можешь кого-то *иметь*. Но она была бы не права. Можно обладать людьми за постыдную малость. Только ведь она любит рассматривать себя как необходимое правило для функционирования всего космоса. А истина в том, что ты *можешь* иметь кого-то, но только не ее. Ты не можешь иметь Лейлу. Разве что только если ты ее прикончишь, вставишь в рамочку и повесишь на стену. Хотя остаемся ли мы собой и дальше, если вдруг остановимся? Одно знаю наверняка: остановка и Лейла никогда не были вместе. Поэтому она всегда смазана на всех и каждой фотографиях. Она никогда не умела останавливаться.

Даже сейчас, внутри этого текста, я чувствую, как она мечется. Если бы могла, она заползла бы ко мне между двумя фразами, как заползает моль между двумя планками жалюзи, и уничтожила бы мне историю изнутри. Себя бы передела в поблескивающие тряп-

ки, которые ей всегда нравились, сделала бы ноги длиннее, грудь больше, добавила бы волосам волнистости. А меня бы изуродовала, оставила на квадратной голове всего несколько свисающих кудряшек, наделила дефектом речи, добавила хромоту левой ноги, придумала врожденную деформацию, из-за которой я всегда роняла бы карандаш. Возможно, сделала бы и следующий шаг, она способна на такую подлость — возможно, она бы вообще меня не упомянула. Сделала бы из меня неоконченный эскиз. Ты бы это сделала, правда? Пардон, *она*. Это бы *она* сделала, будь она здесь. Однако та, кто рассказывает эту историю, — *я*. Я могу с ней сделать все, что пожелаю. Она мне не может сделать ничего. *Она* — это три нажатия на кнопки клавиатуры. Я могла бы прямо сегодня вечером бросить лэптоп в безмолвный Дунай, тогда и она исчезнет, ее хрупкие пиксели вытекут в ледяную воду и унесут в далекое Черное море все, чем она когда-то была. Предварительно обойдя стороной Боснию, как графиня обошла бы нищего на пути к оперному театру. Я могла бы покончить с ней этой фразой, так чтобы ее больше и не было, чтобы она исчезла, превратилась в блеклое лицо на коллективной фотографии выпускников школы, чтобы ее не вспоминали в городских легендах наших школьных дней, чтобы что-то смутное о ней можно было увидеть лишь в маленьком холмике земли, который мы оставили, там за ее домом, рядом с черешней. Я могла бы убить ее точкой.

Выбираю продолжить, потому что могу и хочу. Здесь я по крайней мере уверена, вдалеке от ее изощренного насилия. По прошествии целого десятиле-

тия возвращаюсь к своему языку, к ее языку и всем остальным языкам, которые я, как насильно навязанного мне мужа, однажды в Дублине во второй половине дня по своей воле покинула. После стольких лет я не уверена, какой точно это был язык. А все из-за чего? Из-за совершенно обыкновенной Лейлы Бегиш в поношенных кроссовках на липучках и джинсах, ей-богу, с цирконами на заднице. Что вообще между нами произошло? Важно ли это? Хорошие истории и так никогда не бывают про то, что происходит. Остаются лишь картинки вроде рисунков на тротуаре, годы капают на них как дождь. Может быть, надо бы сделать про нас детскую книжку с картинками. Что-то такое, что никто, кроме нас с ней, не поймет. Но и книжки с картинками должны с чего-то начинаться. Хотя наше начало — это не только молчаливый слуга хронологии. Наше начало было и проходило несколько раз, оно тянуло меня за рукав как голодный щенок. *Давай. Давай начнем опять.* Мы непрестанно начинали и заканчивали, она проникала в мембрану моей повседневности как вирус. Входит Лейла, выходит Лейла. Могу начать где угодно. Например, в парке святого Стефана в Дублине. Телефон вибрирует в кармане пальто. Неизвестный номер. Тогда я нажимаю на эту проклятую кнопку и говорю «Да?» на языке, который не мой.

«Алло, ты».

После двенадцати лет полной тишины я снова слышу ее голос. Говорит быстро, будто мы только вчера расстались, без всякого желания навести мосты через разрыв в знании фактов, в дружбе, в хро-

нологии. Могу произнести только одно-единственное слово: «Лейла». Она, как обычно, не закрывает рта. Упоминает ресторан, работу в ресторане, какого-то типа, чье имя я слышу впервые. Упоминает Вену. Я и дальше произношу только «Лейла». Ее имя на первый взгляд было безобидным — крохотный стебелек посреди мертвой земли. Я вырвала его из своих легких, думая, что это ерунда. Лей-ла. Но с этим невинным растением из жидкой грязи вылезли длинные и толстые корни, целый лес букв, слов и фраз. Целый язык, похороненный глубоко во мне, язык, который терпеливо ждал этого короткого слова, чтобы расправить свои окостеневшие конечности и встать, будто никогда и не спал. Лейла.

«Откуда у тебя этот номер?» — спрашиваю я. Стою посреди парка, замерла прямо под дубом и не шевелюсь, будто жду, что дерево подвинется в сторону и даст мне пройти.

«Сейчас это не важно, — отвечает она и продолжает свой монолог: — Слушай, ты должна приехать за мной... Ты меня слышишь? Слабый сигнал».

«Приехать за тобой? Не понимаю. Что...»

«Да, приехать за мной. Я по-прежнему в Мостаре».

По-прежнему. За все годы нашей дружбы она ни разу не упомянула Мостар, мы с ней никогда там не бывали, а теперь он вдруг представляет собой неоспоримый, общеизвестный факт.

«В Мостаре? Что ты делаешь в Мостаре?» — спрашиваю я. Продолжаю смотреть на дерево и мысленно считаю годы. Сорок восемь времен года без ее голоса.

Знаю, что я куда-то отправилась, та моя траектория была связана с Майклом, и занавесками, и аптекой... Но Лейла сказала «Стоп» — и все остановилось. Деревья, трамваи, люди. Как усталые актеры.

«Слушай, это длинная история, Мостар... Ты ведь по-прежнему за рулем, да?»

«Да, за рулем, но я не понимаю, что... Тебе известно, что я в Дублине?» Слова вываливаются у меня изо рта и прилипают к пальто, как репьи. Когда я в последний раз говорила на *этом языке?*

«Да, ты очень важная особа, — говорит Лейла, уже готовая поставить под сомнение ценность всего, что могло со мной происходить в ее отсутствии. — Живешь на острове, — говорит она, — и, должно быть, целыми днями читаешь какую-нибудь скучную книжищу, и ходишь на бранч со своими умными друзьями, да? Супер. Ладно, слушай... Ты должна приехать за мной как можно скорее. Мне нужно в Вену, а эти здешние мартышки забрали у меня права, и всем плевать, что я должна...»

«Лейла». — Я пытаюсь прервать ее. Даже спустя все годы мне совершенно ясно, что происходит. Это та самая ее логика, соответственно которой, если кто-то толкнет тебя на лестнице и ты покатишься вниз, виновата будет гравитация, а все деревья посажены для того, чтобы она за любым могла пописать, а все дороги, какими бы кривыми и длинными они ни были, имеют одну точку пересечения, один общий узел — ее, Лейлу. Рим — это ерунда.

«Слушай, у меня нет времени. Я действительно не могу попросить никого другого, все отбrehиваются,

что заняты, правда, у меня и нет здесь особо много знакомых, а Дино не может вести машину из-за колена...»

«Дино — это кто?» «...так что я прикинула, если ты улетишь в Загреб еще в эти выходные, а там сядешь на автобус, правда, Дубровник был бы лучшим вариантом».

«Лейла, я в Дублине. Я не могу просто взять и поехать за тобой в Мостар, а потом отвезти в Вену. Ты в своем уме?»

Она некоторое время молчит, воздух вырывается из ее ноздрей и бьется о телефон. Кажется, будто терпеливая мать всеми силами борется с желанием вlepить своему ребенку оплеуху. После нескольких минут ее тяжелого дыхания и моего наблюдения за упрямым дубом она произносит только два слова: «Ты должна».

В этом нет никакой угрозы. Звучит скорее, как когда врач говорит, что ты должна бросить курить. И меня не злит ни это ее «должна», ни то, что она мне позвонила через двенадцать лет и даже ни разу не спросила «как дела», ни то, что она посмеялась над целой жизнью, которую я придумала себе за прошедшее время. Впрочем, это и была классическая Лейла. Но то, что где-то в ее резком голосе скрывалась абсолютная уверенность, что я соглашусь, что мне некуда деваться, что моя судьба была решена до того, как я ответила на этот проклятый звонок, меня унижает.

Я прерываю связь и сую мобильник в карман. Даже боги, какими бы примитивными и бессмысленны-

ми они ни были, дают право на свободу воли. Смо-
трю на дерево и медленно дышу, я больше не верю
этому воздуху. Я загрязнила его *своим языком*. Пере-
сказываю сама себе всю сцену так, как преподнесу ее
Майклу, когда приду домой. Представляешь, скажу
я, одна моя подруга из Боснии звонит мне сегодня
и спрашивает... Подбираю слова на чужом языке, вы-
вязываю их и перекручиваю петли таким образом,
чтобы ни лучик света не смог пробиться сквозь плот-
ную вязку. И как раз когда мне кажется, что я знаю,
как это пересказать, как лишить Лейлу всякого зна-
чения, когда мне кажется, что вдалеке проехало не-
сколько автомобилей, что на периферии зрения люди
снова задвигались, когда ветер вернулся в крону дуба,
она звонит мне опять.

«Сар, послушай меня. Прошу тебя», — говорит она
тихо. Мое имя, деформированное звательным паде-
жом, о существовании которого я уже забыла, звучит
как эхо из заброшенного колодца. Я ее знаю. Сейчас
она снова безобидная веточка, снова кто-то, чьи руки
настолько деликатны, что вы бы не побоялись пере-
дать ей на хранение и собственный мозг.

«Лейла, я в Дублине. Я здесь живу, не одна. У меня
есть обязанности. Я не могу ехать в Мостар. О`кей?»

«Но ты должна».

«Тебя не было десять лет. Ты не отвечаешь на мей-
лы. Не звонишь. Насколько мне известно, ты могла
бы быть уже где-то похоронена, в какой-нибудь пиз-
доебине. В последний раз, когда мы с тобой виделись,
ты предложила мне валить к ебеной матери».

«Я не говорила тебе, чтобы...»